

Глава 12

— Кто ты? — выкрикнул Нин Шуан.

Эти два слова эхом раскатились по пустому храму, многократно отражаясь и ввинчиваясь в уши, и этот звук силой выдернул Нин Шуана из глубин сновидения.

— Кх-кх-кх... — ледяной порыв ветра вернул его в реальность. Он медленно открыл глаза и обнаружил, что заснул, прислонившись к стене в той самой пустой лаборатории. Лунный свет заливал его фигуру, словно укрывая прозрачной серебряной вуалью.

В этот момент до его ноздрей донесся едва уловимый, таинственный аромат.

Нин Шуан нахмурился и, подняв руку, обнаружил, что на плечи наброшена его собственная куртка. Он помнил, что, войдя в здание, снял ее и нес в руках, а теперь она была наброшена ему на плечи, словно кто-то заботливо укрыл его.

Чем больше он думал, тем меньше понимал. Взяв куртку, Нин Шуан, опираясь на стену, с трудом поднялся на ноги. Голова все еще сильно кружилась.

Он нащупал в кармане заранее приготовленный платок, пропитанный бодрящим отваром, и прижал к лицу. Свежий аромат проник в легкие, и помутненное сознание наконец начало проясняться.

Он был уверен, что попал под действие Гу. Но это был не тот же Гу, что подействовал на тех двоих; этот был гораздо более высокого уровня и сработал почти незаметно.

В жилах Нин Шуана текла кровь клана Мяоцзян, с детства он принимал множество травяных отваров, поэтому обычные Гу на него не действовали. Раз он поддался, значит, это был не простой яд. По крайней мере, для него, самоучки, это было слишком. Попроси его сейчас определить, что это был за Гу, он бы не смог.

Придя в себя, Нин Шуан внезапно вспомнил, что видел Цзи Хуайчжи.

Плохо дело!

Он выбежал из лаборатории и, взглянув на указатель на стене, убедился, что все еще находится на четвертом этаже. Не теряя ни секунды, он бросился вверх по лестнице.

Пятый этаж был пуст. Нин Шуан посветил фонариком на пол — толстый слой пыли лежал нетронутым, без единого следа. Значит, они поднялись на шестой.

Он снова взбежал по ступеням. Шестой этаж был последним. Здесь он мог встретить тех двух парней, мог столкнуться с виновником всего этого, и, конечно, мог снова увидеть Цзи Хуайчжи.

На повороте лестницы Нин Шуан на мгновение замер в нерешительности, но затем без колебаний шагнул вперед.

Шестой этаж выглядел точь-в-точь как в его сновидении. По коридору тянулась цепочка беспорядочных следов, ведущих вглубь. Нин Шуан пошел по ним и остановился перед той же самой закрытой дверью.

Экспериментальный корпус давно пришел в запустение. Повсюду виднелись следы пожара, в

воздухе висела смесь запахов химикатов и сырости, а на стенах застыли жуткие, кровавые отпечатки рук.

Та же самая дверь. Что скрывается за ней на этот раз, Нин Шуан не мог и предположить.

Он сделал глубокий вдох, вдыхая свежий аромат с платка, и толкнул дверь.

В лицо ударил влажный воздух, пропитанный запахом гнили и... свежей еды?

Нин Шуан направил луч фонарика внутрь. Комната оказалась на удивление чистой и опрятной. В углу спали двое — те самые парни.

Он вошел, осматриваясь. Было очевидно, что здесь кто-то жил: на полу валялись пустые упаковки от чипсов и фруктовая кожура, а у окна лежали одеяло, подушки и спальный мешок.

Рядом стояли недоеденные фрукты и закуски.

Кроме Нин Шуана и спавших парней, в комнате больше никого не было.

Он присел на корточки, подобрал с пола какую-то палку и приподнял ею край спальника. Под ним обнаружилась целая гора ценных вещей.

Дорогие часы, жемчуг, золотые браслеты, ожерелья... Настоящий склад краденого.

Палкой Нин Шуан подцепил золотую подвеску. Он узнал ее — это было ожерелье Чжао Вэйляна.

Он поднял украшение, сунул в карман, а затем аккуратно опустил край спальника, скрывая сокровища. После этого он подошел к спящим парням.

Глядя на них, он погрузился в раздумья.

Так где же тот, кто за всем этим стоит? И куда исчез Цзи Хуайчжи?

Нин Шуан вышел из комнаты и обошел весь этаж, заглядывая в каждое помещение, но так никого и не нашел.

Неужели ему все привиделось? Делать было нечего, он вернулся в ту же комнату, достал из кармана фарфоровую склянку, откупорил ее и поводил у носа каждого из парней.

Не прошло и полминуты, как они один за другим очнулись.

Увидев Нин Шуана, оба замерли от удивления.

— Вы что, спятили? Я тут по четвертому этажу побродил, поднимаюсь, а вы здесь дрыхнете. Ну что, видели своего хранителя?

— Нет... но я слышал голос! — взволнованно выпалил толстяк.

— Да-да, я тоже слышал! — подхватил худой. — Он спросил, какое у нас желание, и я отдал ему золото, которое приготовил.

Худой пошарил по карманам и, застыв на мгновение, вытащил золотую подвеску.

Нин Шуан вздохнул.

— Да нет здесь никакого хранителя. Я никого не встретил. В таком-то заброшенном месте... Наверное, вы просто плесени надышались.

Он поднялся и, отряхнув с рук несуществующую пыль, добавил:

— В общем, я пошел. Хотите — оставайтесь. Я тут внизу слышал, как кто-то плачет и кричит. Может, это души тех студентов, что здесь сгорели.

Бросив эту фразу, он вышел из комнаты.

Парни и так были не из храбрых, а после того, как очнулись в непонятном месте, слова Нин Шуана напугали их окончательно. Кое-как поднявшись на ноги, они поспешили за ним.

Нин Шуан надел куртку, засунул руки в карманы и неторопливо пошел вниз по лестнице. Двое парней шли следом.

— Эй, а ты не боишься? — вдруг спросил худой, глядя на его широкую, внушающую уверенность спину.

Нин Шуан поднял телефон, подсвечивая лицо снизу, и, обернувшись, высунул язык.

— Ха!

Парни молча уставились на него.

Нин Шуана развеселила их реакция. Он рассмеялся и, повернувшись, продолжил спускаться.

— А чего бояться? Нас трое здоровых мужиков, неужели с призраком не справимся?

Тем более, что никаких призраков здесь и в помине не было.

Они вместе вышли из здания. У входа парни попрощались с Нин Шуаном и ушли своей дорогой. Перед тем как уйти, Нин Шуан еще раз обернулся. Здание темной громадой возвышалось на фоне ночного неба. Ветер, проникая внутрь, блуждал по коридорам, а листья плюща на стенах дрожали, словно пытаются вырваться из невидимых оков.

— Ку-ку, — крик птицы смешался со стрекотом насекомых.

«Цзи Хуайчжи».

Нин Шуан мысленно произнес это имя и, больше не оборачиваясь, зашагал прочь.

Домой он вернулся уже глубокой ночью. По его подсчетам, он проспал на четвертом этаже около двух с половиной часов. Пока он разбирался с делами, прошло еще время, и, когда он наконец лег в постель, за окном уже забрезжил рассвет, а небо на востоке начало светлеть.

Утреннее пение птиц разорвало ночную тишину.

Нин Шуан накрылся одеялом с головой и уснул.

Проснулся он уже после одиннадцати.

Зевая, он в пижаме вышел из комнаты и направился в ванную по соседству. Умывшись, он наконец почувствовал, что проснулся окончательно.

— Ку-ку, — снова раздался у окна птичий крик.

Нин Шуан, не успев вытереть лицо, обернулся на звук. Это была та самая птичка, которую он видел, когда принимал душ.

Ее перья стали еще чище и шелковистее. Солнечный свет падал на них, и Нин Шуану показалось, что они переливаются всеми цветами радуги, оставаясь при этом ослепительно-белыми.

— Доброе утро. Заблудилась? — поздоровался он.

Птичка повертела головой.

— Ку-ку.

Нин Шуан открыл шкафчик и достал маленькую коробочку с пшеном, которое он приготовил для нее в тот день. Насыпав немного на ладонь, он протянул ее птичке.

— Ешь, — сказал он.

Птичка наклонила голову и быстро склевала все до последнего зернышка.

— А где твой хозяин? — снова уловив от нее знакомый аромат, Нин Шуан окончательно убедился, что она домашняя. Вокруг было много домов, и он понятия не имел, откуда она прилетела.

— Ку-ку, — снова пропела она.

— Тебе повезло, что это я, — улыбнулся Нин Шуан. — Будь на моем месте кто-нибудь другой, тебя, такую красивую, давно бы уже поймали и оставили себе.

Снизу донесся аромат риса и жареных овощей. Похоже, Цзи Хуайчжи готовил обед. У Нин Шуана не было времени возиться с птичкой. Поиграв с ней еще немного, он вышел из ванной.

С лестничной площадки он посмотрел вниз. Нин Дуньдунь возился с игрушкой у журнального столика. На обеденном столе уже стояло несколько блюд, а из кухни доносился звон сковороды и аромат готовящейся еды, заполнивший весь дом.

Он быстро спустился и зашел на кухню.

Был выходной, и Цзи Хуайчжи все еще был в пижаме — серо-голубой, с длинными рукавами и штанами. С его ростом кухня казалась тесной и старой. Фартук, небрежно завязанный на талии, подчеркивал его стройный силуэт.

Длинные волосы были собраны резинкой и перекинута на грудь, но несколько прядей выбились и обрамляли лицо.

Ресницы Нин Шуана дрогнули. Эта картина тронула его до глубины души.

Но почему он встретил Цзи Хуайчжи там? И почему, когда он очнулся, того уже не было? Неужели это была галлюцинация?

Он так задумался, глядя на его спину, что очнулся, лишь когда Цзи Хуайчжи выключил огонь, переложил еду на тарелку и обернулся, оказавшись прямо перед ним.

— А, Цзи Хуайчжи, — Нин Шуан отступил на полшага и, собравшись с мыслями, улыбнулся. — Прости, я сегодня проспал.

Цзи Хуайчжи посмотрел на темные круги под его глазами и понимающе сказал:

— Ничего страшного. В выходной поспать подольше — это нормально.

Нин Шуан пошел за ним к столу. Глядя на изобилие блюд, он не удержался от похвалы:

— Цзи Хуайчжи, я и не знал, что ты так здорово готовишь.

— Не так хорошо, как ты.

— Я еще не пробовал, так что не говори так, — Нин Шуан открыл рисоварку и наложил рис в две пиалы.

Проглотив первый кусок, он тут же поднял большой палец вверх.

— Очень вкусно! С такими талантами ты мог бы и поваром работать.

В его глазах и голосе звучала неподдельная искренность.

Цзи Хуайчжи, едва заметно улыбнувшись, ответил:

— Спасибо.

— Это я должен тебя благодарить. Спасибо, что приготовил столько всего.

Цзи Хуайчжи был не только красив, но и готовил превосходно. Нин Шуан, подперев щеку рукой, смотрел на него и вдруг позвал:

— Цзи Хуайчжи.

Тот замер с палочками в руке, затем отложил их и серьезно посмотрел на Нин Шуана.

— Ты вчера вечером был дома? — спросил Нин Шуан.

Цзи Хуайчжи тут же изобразил недоумение. Его красивые брови сошлись на переносице, а выбившиеся пряди волос придавали ему растерянный и немного жалкий вид.

— А что?

— Да так, просто спросил, — Нин Шуан чуть не потерял голову от одного его вида.

Цзи Хуайчжи опустил ресницы и тихо ответил:

— Я был дома.

Помолчав пару секунд, он вдруг поднял глаза. В его темных зрачках, казалось, на миг

промелькнул тот же бледно-фиолетовый огонек.

— Но, кажется, тебя дома не было, — уверенно произнес он.

<http://bllate.org/book/13683/1212366>